
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

А.С. ХОРОШЕВ

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ НОВГОРОДА КАК ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ,
ИСТОРИЯ РАЗРУШЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ

Наряду с архитектурой и живописью, культурный слой средневекового города является историческим достоянием Новгорода. Мощные (до 8 м) органоносные напластования (в западной литературе подобные называются “черная земля”) располагаются на территории исторической части города, ограниченной сохранившейся линией оборонительных укреплений Окольного вала.

Культурный слой — своеобразное экологическое образование, результат жизнедеятельности человека в сочетании с местными природными условиями. Город был основан на глинистых берегах Волхова. Незначительная всхолмленность территории не имела резких склонов, перерезалась небольшими равнинными ручьями и была окружена болотами. Отсутствие естественного дренажирования приводило к повышенной влажности слоя, препятствовало его аэрации, а, следовательно, и жизнедеятельности вызывающих процессы гниения бактерий. В результате происходила консервация органики: деревянных строительных конструкций, попавшего в землю многочисленного бытового инвентаря из дерева, коры, кожи, кости, тканей.

Повышенная влажность почвы определяла необходимость поверхностного жилого строительства. Деревянные постройки ставились на слегка заглубленном деревянном фундаменте, который вместе с нижними венцами срубов консервировался уже при жизни.

Концентрация деревянных построек в пределах плотно заселенных городских кварталов была чревата их пожароопасностью. Регулярные, чаще локальные, а нередко общегородские пожары начисто выжигали застройку. Восстановление проходило по традиционной дворовой планировке, т. е. новые дома ставились на пожарищах старых. Таким образом, внутри городских кварталов средневекового Новгорода отло-

жилося до 28–30 сменяющих друг друга горизонтов застройки. Средневековое поверхностное строительство, исключавшие глубинные вторжения в почву, сохраняло чистоту стратиграфии напластований.

Рост культурного слоя происходил незаметно, но постоянно. Специалисты подсчитали его среднюю интенсивность — 1 см в год. Естественно, что в разных районах города темпы наслоения были неодинаковыми (рис. 1). На них влияли близость либо удаленность от русла естественных водосборов, следовательно, повышенная либо пониженная аэрация слоя; плотность застройки, и, как следствие, периодичность пожаров и частота строительства; наконец, время освоения территории под застройку. Пландография мощности культурных напластований внутри города определяет зоны освоения городской территории. На окраинах города слой либо отсутствует, либо незначительной мощности, что свидетельствует об отсутствии здесь постоянной застройки, о позднейшем освоении участков. В то же время мощные (до 6–8 м) напластования определяют районы древнейших территорий города и постепенного включения окружающей их площади (где мощность слоя от 4 до 2 м) в городскую систему (рис. 2). Таким образом, были выявлены три древнейших ядра Новгорода, соответствующие трем древним районам города: Людину, Неревскому и Славенскому концам, где напластования стали накапливаться хронологически не позднее середины X в., что подтверждается археологическим материалом. Включение территорий Загородского и Плотоанского концов произошло позднее. Как городские районы они фигурируют в источниках только с XIII столетия. Впрочем, их постепенное освоение началось раньше.

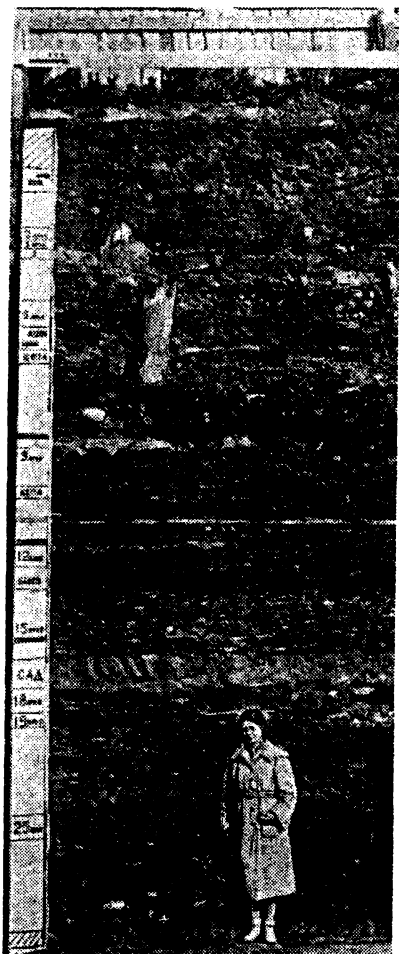

Рис. 1. Профиль культурного слоя на Неревском раскопе

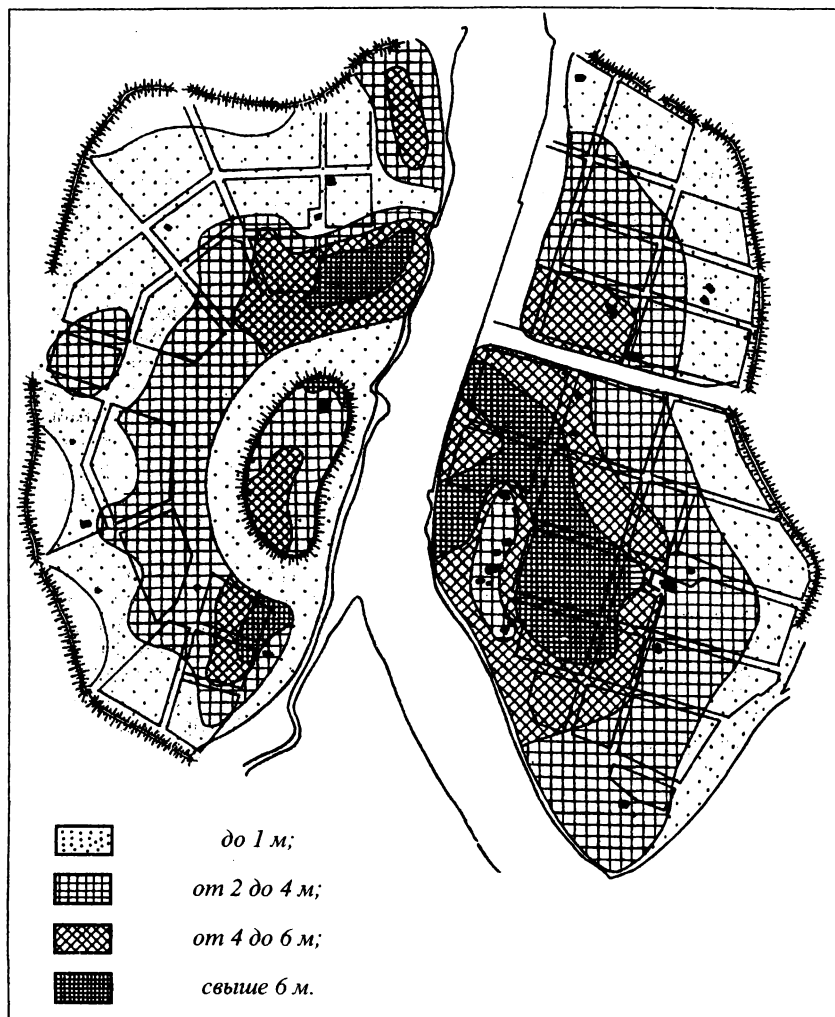

Рис. 2. План распределения культурного слоя по толщине на территории Новгорода

Таким образом, в культурном слое Новгорода сохранилась спрессованная тысячелетняя история города. История его возникновения и развития. История его застройки и опустошений. История взаимоотношений города с близлежащей округой и гигантской метрополией, раскинувшейся от Прибалтики до Урала. История связей Новгорода с русскими княжествами и государствами Востока и Запада. История быта и ремесленного производства. История городских магистратов и культуры Господина Великого Новгорода.

Еще историки XIX столетия отмечали потенциальные возможности культурных напластований в Новгороде, предвещая реконструкцию исторического прошлого на основании исследований городского слоя. Однако проведение археологических работ вплоть до 30-х годов было невозможно. Отсутствовала методика и технология изучения многометровых влажных органонесных напластований. Именно эти задачи решались в ходе исследований 30-х годов, когда были предприняты первые систематические археологические раскопки.

Историческая заслуга в организации работ и создании научного коллектива исследователей принадлежит профессору Московского университета А.В.Арциховскому. Начиная с 1932 г. и по настоящее время экспедиция проводит систематические планомерные исследования средневекового Новгорода. За эти годы раскопки в Новгороде от небольших (100—200 кв.м) участков в 30-х и конце 40-х годов, превратились в крупномасштабные полигоны исследований, где выделяются своими площадями Неревский (около 9 000 кв.м). Троицкий (около 6 000 кв.м при продолжающихся здесь работах), Ильинский (1430 кв.м). Федоровский (2500 кв.м) раскопы.

Современная стратегия исследований предусматривает сочетание работ на объемных, многолетних раскопах с изучением небольших по площади участков, отводимых под городское строительство. Эта стратегия обусловлена задачами максимально полного изучения культурного слоя, получения объемной и разнообразной исторической информации.

Археология Новгорода позволила реконструировать историю города и исторических процессов, происходивших в нем, ответить на целый ряд вопросов жизни вечевого города, неосвещенных историческими источниками.

Возникновение Новгорода — результат феодализации Руси, определившей необходимость концентрации исполнительной власти и выполнения фискальных функций для гигантских территорий Северо-Запада. Город, в отличие от большинства феодальных центров, не моноцентричен. В основе полицентричности Новгорода — существование, вероятно, одновременно возникших трех поселков, предположительно разноплеменных по своему составу, что соответствует разноэтничному населению Северо-Запада Руси.

Существование трех первоначально обособленных поселков на территории города подтверждается наблюдениями за распределением мощности культурных напластований. Три зоны интенсивных отложений (до 6–8 м) обособлены топографически и были объединены позднее в единую городскую структуру по мере их расширения, о чем свидетельствуют полосы менее мощных (2–4 м) напластований. Наблюдение подкрепляется археологически. Только в зонах концентрации слоя выявлен материал древнейших напластований — середины X в. В других районах вещевые комплексы — позднейшие по хронологическому анализу.

Специфическая для Новгорода полицентричность проясняет градообразующую структуру города. В ее основе не улица как объединение родственно разобщенных дворовладельцев, а боярская патронимия, владения которой охватывали несколько городских кварталов и находились в обрамлении посадского населения. Эта схема стала очевидной после систематизации значительного по объему археологического материала крупнейших по площади раскопов. Так, на Неревском раскопе определились владения известной посадничьей семьи Мишиничей—Онцифоровичей, владения которой располагались как минимум на площади четырех средневековых городских кварталов. Наблюдение подтверждается источниковедчески благодаря находке здесь значительного комплекса берестяных грамот, адресаты которых (как отправители, так и получатели) составили единую генеалогическую систему.

Столь же наглядно определяются владения другого боярского рода Нездиничей—Мирошкиничей, часть клановых владений которых была исследована работами на Троицком раскопе.

Традиционность владений подтверждается незыблемостью границ усадебовладений боярских родов, сохранявшихся столетиями, адресаты и авторы которых составили единую генеалогическую схему. Наличие значительных боярских городских землевладений — результат владения аристократическими семействами крупных доменов в новгородских землях. Размеры боярского землевладения реконструируются на основании кадастровых (“писцовых”) книг новгородских владений конца XV — начала XVI вв. Это подтверждается и археологически адресатами феодально-зависимого крестьянства, регулярно отчитывавшегося перед своим сюзереном. Берестяные грамоты из сел показывают, что вотчины бояр были разбросаны от литовских границ и до печорской тайги. Колоссальная имущественная концентрация, столетия накопления определяли не только экономический приоритет боярства, но и его политическое господство в вечевых магистратах Новгорода.

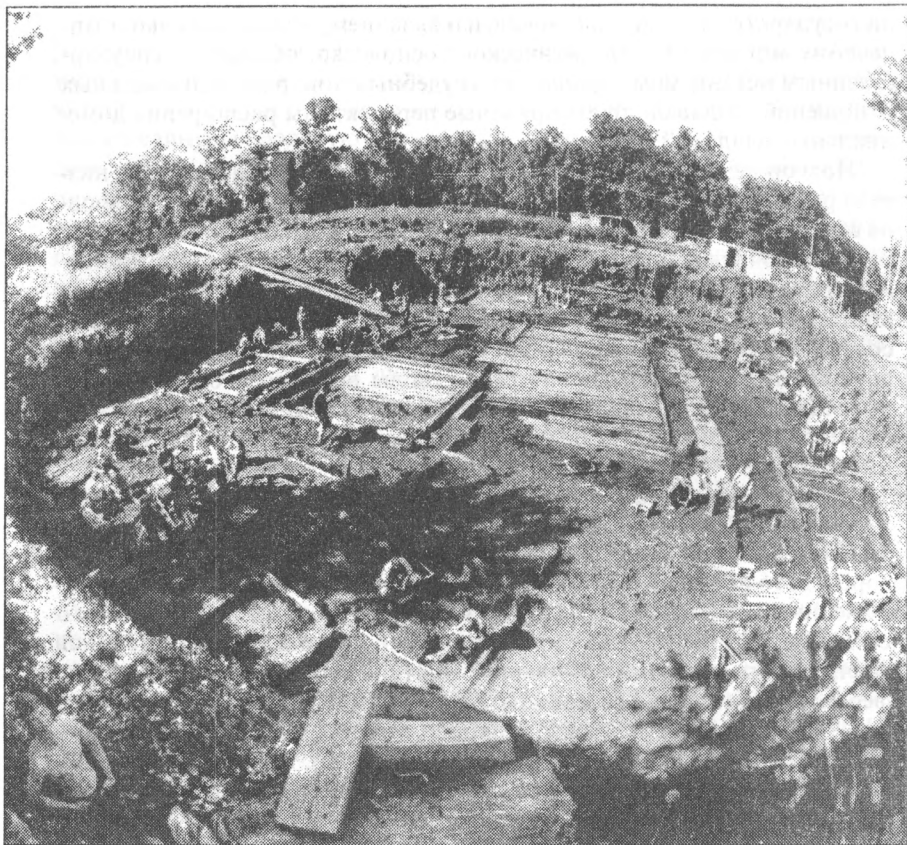
Традиционно руководителями государственного управления Новгорода становились представители родовой аристократии. Должность наследовалась. Потомки бояр — первооснователей города — управля-

ли государством не народным волеизъявлением, а благодаря экономическому могуществу. Политическое господство, обладание государственным механизмом управления и судебным контролем поземельных отношений создавали благоприятные перспективы расширения доменных владений.

Новгородская олигархия, узурпировавшая вечевые институты, низвела республиканские по своей сути общегородские собрания до уровня второстепенного органа, утверждавшего решения патрициев. Власть, рассредоточенная по враждовавшим боярским кланам, власть, лишенная поддержки народа, была обречена в борьбе с авторитарной Москвой. В 1478 г., когда состоялась инкорпорация Москвы и Новгорода в состав единого Российского государства, великокняжеская власть срубила столетние генеалогические стволы новгородского боярства, выселила новгородцев в московские земли, выкорчевала корни государственного устройства Великого Новгорода, вытравила его вечевые институты.

В основе планографической схемы средневекового Новгорода был дворовый участок — усадьба. Площадь дворовладений, выявленная в ходе археологических раскопок, отражала социальную неоднородность городского населения. Территория боярских кланов делилась на крупномерные усадьбы — 2000–1700 кв.м и более. Даже после неизбежного со временем семейного членения усадеб, их размеры оставались значительными — до 1000–700 кв.м. Знатное купечество, неродовитые феодалы (“житьи” и “своеземцы”) жили на усадьбах меньших размеров — порядка 500–400 кв.м. Наконец, масса городского феодально свободного населения (ремесленники, торговцы), так называемые “сотенные” селились на небольших — не более 120 кв. м участках, выделявшихся им городскими магистратами. В некоторых районах города, естественно, в древнейших его ядрах, традиционно размещались боярские усадьбы. Маломерные дворы сотенного населения тяготели к периферии города. Тенденция роста боярского землевладения зафиксирована археологически на Ильинском раскопе. Здесь первоначальные маломерные сотенные участки были объединены в единый боярский усадебный массив.

Каждая усадьба представляла собой единый бытовой и хозяйственный комплекс, включавший жилые и хозяйственные постройки — амбар, баню, мастерские ремесленников, загоны для скота (рис. 3, 4). Естественно, что имущественное положение усадебовладельца определяло размер построек, их количество на площади участка. Усадьбы сотенного населения состояли из небольшой жилой и одной-двух хозяйственных построек. Хоромы знати включали несколько жилых построек, нередко повышенной этажности с крупнообъемным господским домом. Разнообразные хозяйственные помещения боярской усадьбы

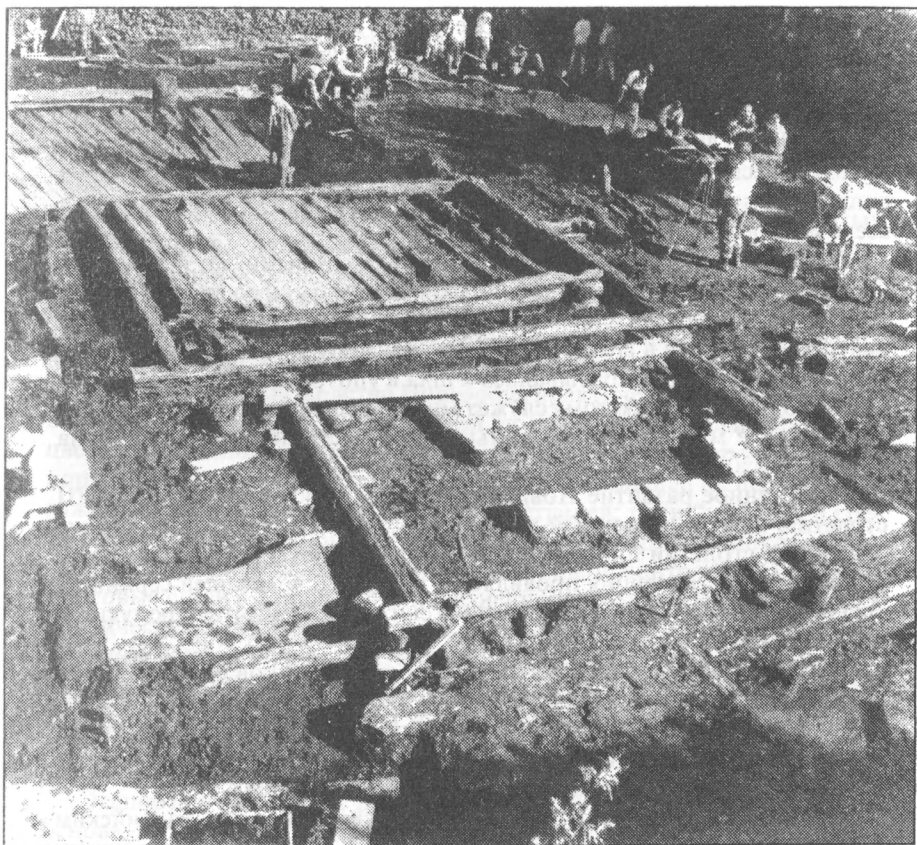

*Рис. 3. Троицкий XII раскоп.
Общий вид на уровне напластований 40-х гг. XII века*

соединялись с жилыми специальными дворовыми вымостками и ограждались внутренним забором от построек вотчинных ремесленников.

Каждая усадьба имела свободный от застройки двор, площадь которого определялась размерами владельческого участка. Усадьбы ограждались снаружи мощным деревянным забором — частоколом. Постоянство линий усадебных ограждений, выявленное археологически, — свидетельство традиционности городского землевладения.

Усадьбы располагались по городским магистралям — улицам, шириной от 2 до 4 м. Изначально улицы мостились деревянными настилами. Мощение производилось одновременно, но в большинстве случаев индивидуализировано: каждый усадебовладелец мостил участок

*Рис. 4. Троицкий XII раскоп.
Усадебная застройка на уровне 40-х гг. XII века*

дороги вдоль своего дворовладения. Это выявлено археологически сравнением качества древесины на соседних участках и фиксацией стыков на прилегающих участках улицы.

Мошение нескольких стратегических городских магистралей было компетенцией городских магистратов. Их ремонт являлся общегородским мероприятием, а участки мошения закреплялись за уличанскими организациями. Примечательно, что уличные полотна клались с ползучим наклоном, что обеспечивало дренажирование. Полотна мостовых обновлялись регулярно, по мере повышения поверхности на прилегающих усадьбах. При этом старое мощение частично разбиралось, но нередко полностью сохранялось. Наличие таких разновременных

уличных “поленниц” позволило археологам Новгорода получить многотысячную серию спилов, которые стали основой создания единой дендрохронологической шкалы. Подобная работа была проведена в начале 60-х годов и привела к появлению абсолютно точных (в пределах 5—10 лет) датировок вещевых коллекций. Новгородская дендрохронологическая шкала обеспечивает датировку не только городских напластований, но и возможность дендрохронологического анализа всего Северо-Запада.

Городские усадьбы являлись не только бытовыми, но и экономическими ячейками Новгорода. Боярские дворы были сосредоточением сельскохозяйственной и промысловой продукции, в форме феодальной ренты стекавшей в Новгород со всех его земель. Поступающая продукция здесь же перерабатывалась и шла в употребление, либо на продажу. Подтверждением тому служат многочисленные и разнообразные ремесленные мастерские, открытые в процессе работ археологов на боярских усадьбах.

Ремесленное развитие Новгорода имело, по крайней мере до XIII столетия, ярко выраженный вотчинный характер. Только на рубеже XIII—XIV столетий происходит переход от работы на заказ к работе на рынок. Эта тенденция проявляется как резко возросшей серийностью ремесленного производства, так и снижением качества продукции, поступающей на рынок.

Ассортимент изделий новгородских ремесленников огромен и разнообразен. Здесь перерабатывались все виды сырья, известные в средневековье. Железо, цветные и драгоценные металлы, дерево, глина, кость, стекло, мех и кожа, камень и лен — все превращалось в руках новгородских ремесленников в утилитарные предметы.

Постоянные культурно-экономические связи города с Балтийским регионом способствовали проникновению и овладению новейшими ремесленными технологиями. Уровень новгородского ремесла был традиционно высок. Его продукцией обеспечивались потребности города, округи и отдаленных земель. Ремесленные изделия из Новгорода находили сбыт в русских княжествах, шли на экспорт.

Культурный слой Новгорода содержит гигантский по объему вещевой комплекс, накопившийся за столетия средневековья. Ежегодно пополняемый раскопками археологический фонд предметов Новгородского музея — основного хранителя городских древностей, располагает десятками тысяч индивидуальных предметов. Влажные и лишенные аэрации напластования Новгорода сохраняют предметы из органических материалов, а особая минерализованность новгородской почвы патинирует изделия из цветных металлов и минимизирует коррозионность железных вещей.

Археологические предметы подробно иллюстрируют быт горожан,

уровень их культуры, выявляют закономерности ремесленного производства и тенденции моды. Инструментарий ремесленника и сельскохозяйственные орудия, вооружение и предметы туалета, украшения и кухонная утварь, обрывки тканей и кожаная обувь, транспортные средства и детские игрушки детализировано о веществевают историю, максимально реконструируют жизнь горожан.

Массовые серии вещей, находящиеся в стратиграфически закрытых напластованиях, четко датированных дендрохронологическим анализом, позволили составить типологическую шкалу новгородских древностей, используемую во всей средневековой археологии. Ее наличие дает возможность точно датировать появление технологических новаций и вещей, время их бытования и прекращения употребления.

Ремесленное производство Новгорода практически полностью было обеспечено местной сырьевой базой за исключением благородных и цветных металлов, составлявших важную статью новгородского импорта, в первую очередь западного. Город, возникшей на пересечении важнейших торговых европейских магистралей: пути “из варяг в греки” и волжско-восточной артерии, был одним из крупнейших транзитных центров Европы, крупнейшим восточным контрагентом Ганзы. Торговые связи с Западом были жизненно важны для Новгорода. Периодическая торгово-экономическая и политическая блокада города русскими княжествами стимулировала поиск торговых партнеров на Западе. Традиционная обращенность к Западу превратила Новгород в годы ордынского засилья на Руси в своеобразную “свободную экономическую зону”, через которую было единственно возможным осуществление связей русских земель с Западом.

Экспортно-импортная деятельность осуществлялась не только на основе сырьевых операций, но и торговли ремесленной продукцией. Поэтому в коллекциях археологических находок в Новгороде с изделиями русских ремесленников соседствуют предметы из Скандинавии, Германии, Византии, стран Востока. Нередко их изготовление осваивалось новгородскими умельцами, обогащая ремесленное производство города, подобно тому, как элементы романского и готического стиля реализовывались в православных храмах и живописи Новгорода, создавшего своеобразную архитектурно-художественную школу.

Археологические раскопки в Новгороде позволили наглядно проиллюстрировать важную проблему русского средневековья — уровень культуры и степень образованности населения. До исследований археологов в историографии закреплялось мнение о двух социальных пластах культуры: высокой светско-церковной феодальной верхушки на фоне невежества городского и сельского населения. Подтверждался тезис величием архитектурных ансамблей, монументальностью фресковой живописи, изысканностью иконописи — с одной стороны, и убо-

жеством крестьянских лачуг с их незатейливым скарбом — с другой. Культурные проявления связывали с внешними факторами, чаще всего византийскими. Археология опровергла эту гипотезу.

Культура русского средневековья представляла собой единый монолитный айсберг, сияющая вершина которого, отраженная великолепным искусством, покоится на мощном, скрытом от глаз фундаменте.

Раскопки вскрыли этот фундамент. Выяснилось, что простому русскому горожанину было свойственно и архитектурно-пространственное мышление, позволявшее создать на минимальной площади конструктивно продуманный комплекс застройки. Обнаружилось стремление ремесленника индивидуализировать предмет сугубо утилитарного назначения затейливой резьбой, орнаментом росписи, строчкой вышивки, лаконичным, но выразительным знаком. Холщовые одежды были многокрасочны, а кожаная обувь орнаментировалась цветными нитями и аппликациями. Быт горожан не был серым, однотонным фоном красочной жизни феодалов. Знать потребляла лучшие предметы, нередко индивидуализированные, заказные, но исполнение заказа было в руках простого ремесленника, реализовывавшего при изготовлении заказа свое умение и художественное чутье. Примечательно, что лучшие, раритетные изделия новгородских ремесленников, отмеченные художественной индивидуальностью, относятся к самым ранним дохристианским слоям середина X в. и генетически связаны не с византийской, а аборигенной славянско — угро-финской средой. Христианизация дала дополнительный импульс, обогатила новыми красками художественный мир восточных славян.

Кардинально важным для индексирования уровня образования горожан стало открытие в Новгороде берестяных грамот. Эпохальное открытие 1951 г. позволило накрепко соединить археологию и историю средневековья. Грамоты озвучили археологические комплексы, дали исследователям имена усадебовладельцев, выяснили адресаты отправителей, донесли до нас заботы и мысли авторов.

Начальным импульсом разрушения природной среды Новгорода явилось городское каменное храмовое строительство, которое в начальный период нивелировалось ограниченностью строительства, выбором строительства с учетом геологии и гидрографии в условиях незначительной в то время мощности культурного слоя. Тем не менее, с середины XI в. начинается период ограниченного антропогенного воздействия на культурный слой. Проблемы освоения новых районов в условиях растущего города привели к необходимости приспособления окружающей среды и воздействия в первую очередь на гидрографию: попытки дренажирования и ирригации при использовании органических материалов и учете направления водотоков (Труба, Федоровский

ручей, сооружение рвов). Вероятно, к рубежу XIV–XV вв. органоносные напластования достигли критически возможной для города мощности, что привело к началу периода разрушающего антропогенного воздействия на культурный слой. Начальным этапом в этой деятельности послужило евфимиевское каменное строительство, которое велось без учета почвенной структуры и гидрографии, что привело в результате к многочисленным разрушениям построек, зафиксированных летописью.

Последовавшие в конце XV в. серьезные политические трансформации радикально сказались на составе городского населения (приток низовского населения) и кардинальном изменении принципов городского строительства (возведении каменных построек с заглублением фундаментов, создание городской дренажной системы). Результатом активизации антропогенного воздействия явилось разрушение на значительных участках города напластований середины XV в.

На третьем этапе антропогенного воздействия (вторая половина XVII — середина XX вв.) разрушительные факторы усилились с утверждением екатерининского плана градостроительства, основательно нарушавшего историко-природные элементы новгородского градостроительства. Реализация екатерининского плана с возведением каменных доходных домов привела к глубинным вторжениям в средневековые напластования и разрушению деревянной дренажной системы, что одновременно сказалось как на органоносных напластованиях с одной стороны, так и на неблагоприятном воздействии природной среды на фундаменты построек. Положение усугубилось позже при создании городской системы подземных коммуникаций. К счастью для археологов, екатерининский план оставил значительные внутриквартальные пространства органоносного слоя, что определило возможность будущих исследований.

Наконец, в послевоенное время характер разрушения культурного слоя Новгорода достиг экстремальных величин. Это связано с интенсивным строительством в исторической части города и неизбежным расширением системы городских коммуникаций, усугубленным появлением высокотоксичного промышленного производства, активного химизма отходов, проникающих в органоносные напластования. К неблагоприятным факторам нужно отнести окончательное разрушение естественной гидросистемы (засыпка Федоровского ручья, кремлевского рва и рвов Окольного города). Расплата не заставит себя ждать. Обрушение кремлевской стены — первый симптом грозящих потерь, в первую очередь — средневековых памятников архитектуры, что делает крайне важной выработку концепции охраны культурного слоя Новгорода, признанного ЮНЕСКО историческим памятником мирового значения.

Для новгородских археологов изначально потребности изучения культуры Новгорода напрямую связывались с необходимостью охраны слоя как уникального составляющего культурного наследия города. Особенно обострилась эта задача в годы послевоенного восстановления города, полностью лишившегося жилого фонда.

Недостатком концепции послевоенного восстановления Новгорода, созданной под руководством академика А.В.Щусева, бережно соотнесившего современное строительство с наземными архитектурными памятниками, является, на наш взгляд, определенная недооценка культурного слоя. Это привело к тому, что в ходе строительства послевоенных лет были потеряны многие исторически важные участки средневекового Новгорода. Впрочем, археологи ощущали моральную необходимость возрождения разрушенного города. В 50-е — начале 60-х годов стало очевидным, что темпы ручной работы археологов, ограниченные полевым сезоном и тщательной фиксацией архитектурно-археологических комплексов, несопоставимы с интенсивной строительной деятельностью в городе.

С начала 60-х годов задача сохранения культурного слоя стала кардинально необходимой. Принципиальная общественная позиция археологов, в первую очередь — руководителя Новгородской экспедиции академика В.Л.Янина, реализовалась оформлением государственных законодательных актов и муниципальных распоряжений. С их принятием были существенно ограничены возможности строительства в исторической части города, которые были поставлены в зависимость от первоочередной работы археологов. В зонах наиболее мощных органонесных напластований строительство запрещалось, минимальные вторжения в слой допускались только в целях регенерации существующей застройки.

В принципе, эти положения не отменены. Более того. Администрация города разрешает отвод участков под строительство только после обязательного согласования с органами охраны. Однако изменившаяся государственно-политическая ситуация в стране, отсутствие федерального закона, традиционное для российских граждан стремление обойти закон, ведут к попыткам, к сожалению, иногда реализуемым, вторжения в историческую заповедную зону. Впрочем, эти сложности характерны не только для Новгорода и не ограничиваются территорией России.

Проблемы сохранения уникального новгородского слоя должны стать единой общественной позицией вне зависимости от профессиональных потребностей, равнозначимой как для археологов, так и для архитекторов и строителей.

В связи с этим хотелось бы отметить, что Новгород до сих пор не располагает индивидуальной технологией строительства. Если для 40—

50-х годов подобная разработка была вряд ли достижимой из-за недостаточной технической базы строительства, то современный уровень позволяет это реализовать. Свидетельством тому служат технологические концепции щадящего капитального и индивидуального строительства, разработанные в связи с рекомендациями ЮНЕСКО для ряда исторических европейских городов, обладающих, подобно Новгороду, мощными культурными напластованиями.

В сумме возможных, вернее, необходимых мероприятий, способствующих охране уникального новгородского слоя, должна стать работа над концепцией застройки исторической части города, ориентированной на приоритеты индивидуального и маломерного строительства. Создание этой концепции возможно только с учетом Опорного историко-археологического и архитектурного плана Новгорода. Наконец, немаловажным в числе мероприятий по охране новгородского слоя должен стать перспективный план археологического изучения города, основными принципами которого, наряду с планами строительства, должны стать учет геологических и гидрографических данных при проведении исследований, а также выделение внутри исторической зоны города заповедников, исключающих полевые работы.

Е.А.РЫБИНА

ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ

(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

За годы многолетних раскопок в Новгороде (с 1932 г.) накоплен разнообразный по характеру, значительный по объему материал, свидетельствующий об уровне образованности средневекового новгородского общества. До сих пор наука располагала лишь скудными сообщениями письменных источников об обучении грамоте в древней Руси. В частности, в 1030 г., как сообщает летопись, князь Ярослав Мудрый велел собрать в Новгороде 300 детей от старост и попов, чтобы “учить их книгам”, т.е. учить читать и писать. Другое летописное известие, отстоящее от первого более чем на 300 лет, свидетельствует о том, что в 1341 г. в Новгород приехал малолетний тверской князь Михаил Александрович “грамоте учиться”. Сведения о существовании школ в средневековом Новгороде содержатся в житиях некоторых новгородских святых, которые в детстве учились в этих школах. В 1551 г. руководители православной церкви, собравшиеся на Стоглавый собор, сетовали на недостаток грамотных людей, утверждая при этом, что прежде в Великом Новгороде, Москве и других городах были училища (шко-